

**А.С. МАКАРЕНКО И К. Д. УШИНСКИЙ:
ВОСПИТАНИЕ К ТРУДУ И В ТРУДЕ**

Н.Л. Шеховская

«Ко мне их сплошь и рядом привозят в черной карете и сдают из-под револьвера. У меня нет карцера, и я ни одного за 8 лет не возвратил в тюрьму», – писал А.С. Макаренко в письме Горькому 25 февраля 1928 года (3, 173). Они приносили «чесотку, вшей, разгильдяйство и особую потребительную философию детских домов» (Там же).

Это были дети, как сейчас бы сказали, с девиантным поведением – фактически молодые люди, выморочные классовой борьбой революцией и гражданской войной. Жить и работать приходилось в страшных условиях: «У горьковцев в спальнях обувь примерзает к полу, валится везде штукатурка, в каторгу превратилась топка печей «Горячим» сводным отрядом, – продолжал А.С. Макаренко в том же письме, – сотни новеньких, не могущих пройти по лестнице, чтобы не плюнуть, срывается «мат», светят иногда голые колени – отчаянная борьба за жизнь, за каждую латку, за огрызки ботинок, но зато веселый дружный тон, дисциплина, смех, гремит оркестр...» (3, 174). И тем не менее – «осенью мы выпустили на производство до 70 ребят, разослали по другим колониям десятка два», – сообщает Антон Семенович Горькому.

Чем же «брал» А.С. Макаренко, провозглашенный одним из основателей и организаторов новой социалистической системы воспитания, которую он называл сокращенно и не без иронии «наш соцвос»? Нас интересуют в ней не методы, не формы, против слепого копирования, механического повторения которых категорически возражал и сам Антон Семенович, а ее содержание, живая душа, идеи, что вели педагога и воплощались им в жизнь. Скажем кратко: это было преображение зверя, разбуженного в человеке революцией, и совершалось оно любовью, пробуждающей добро, – реальным воплощением христианской любви к ближнему («возлюби ближнего, как самого себя»), а не той слезливой, что сродни сладковатому сюсюканью, обволакивающей, унизительно успокоительной. Эта любовь противостояла классовой ненависти, творящей зло, была противоположна культивированию в человеке животных инстинктов, зависти, жадности, корыстолюбия. Вместе с тем, Антон Семенович предупреждал родителей, что авторитет ложно понятой любви – «у нас самый распространенный вид ложного авторитета» (3, 18), что из заласканного ребенка вырастает обычный эгоист. Когда возникал такой деликатный в то время вопрос, как, «если отец арестован, нужно ли у ребенка вызывать чувство ненависти к отцу», А.С. Макаренко отвечал: «воспитывать специально чувства ненависти не нужно» (3, 94), но особо надо опасаться раздвоения молодой формирующейся личности.

Если отбросить неизбежные в те годы реверансы перед официальной государственной идеологией, то в педагогическом творчестве А.С. Макаренко явственно обнаружится связь с гуманистическими идеалами русской клас-

сической педагогики XIX века, с ее корифеем К.Д. Ушинским. Не видеть этого не могли даже советские исследователи. Они отмечали, что «опыт Макаренко возник не в стороне от больших педагогических дорог» (3, 278), что он творчески воспринял, переработал и использовал в своем опыте и теории многие достижения дореволюционной педагогики.

Нет ничего неожиданного в том, что в работах А.С. Макаренко не находится ни упоминаний, ни ссылок на труды К.Д. Ушинского и других видных русских педагогов, хотя в 20-е годы XX в. А.С. Макаренко приходилось слышать упреки в увлечении дореволюционной педагогией. Окончивший в 1917 году Полтавский учительский институт, Антон Семенович, конечно же, не мог не знать о ее гуманистических идеях и следовать тем из них, которые наиболее импонировали ему.

Примечательно, что он в своих работах высказывал отношение к педагогическим суждениям Руссо, Герберта, Дьюи, Наторпа и других западноевропейских мыслителей, что свидетельствует о недюжинной эрудиции выдающегося педагога. Но открыто писать о русских дореволюционных педагогах, и в частности, Ушинском, не мог.

Дело в том, что советская идеология в 20-е – начале 30-х годов XX века чуть ли не предавала анафеме К.Д. Ушинского. Исследователь творчества К.Д. Ушинского С.Ф. Егоров отмечает, что Советская педагогическая энциклопедия в 1927 году обвиняла классика в том, что, выдвигая в качестве идеала воспитания христианство, он доходит до принципа церковности. В 1936 году Большая советская энциклопедия объявила основу его мировоззрения реакционной, идеалистической, ему якобы свойственно стремление «примирить идеализм с данными естествознания» (1. 64).

Относительно этих и подобных суждений нужно согласиться с точкой зрения Е.П. Белозерцева, утверждающего, что большинство работ, освещавших в советский период философские взгляды К.Д. Ушинского, либо устарели, либо неверны. К.Д. Ушинский, словно предвидя искаженное толкование его мировоззрения, просил читателей (в том числе и потомков!) не навязывать ему никаких предвзятых мирозерцаний, оценивать единственно с фактической стороны.

Следуя этой просьбе ученого, надо признать, что К.Д. Ушинскому наиболее близок А.С. Макаренко в учении о трудовом воспитании – воспитании к труду и в труде.

Практика А.С. Макаренко может рассматриваться в русле популярной в 20-е годы XX столетия идеи единой трудовой школы. «Основная педагогическая идея школы в Советской России, – писал выдающийся религиозный философ и педагог В.В. Зеньковский, – есть идея трудовой школы» (2, 205). И далее он подчеркивал, что сам по себе принцип трудовой школы выдвигался в русской педагогике еще в XIX веке и среди авторов этой идеи называл Ушинского. В Советской России «была провозглашена к обязательному исполнению доктрина трудовой школы, – писал В.В. Зеньковский, – хотя реальных условий для приложения к школе принципов трудового воспитания налицо не было» (2, 197)

За создание идеальных условий «буквально бился» А.С. Макаренко (в силу объективных причин В. В. Зеньковский не мог знать об этом) и видел их в том, что «воспитание должно быть организовано как массовое производство в огромных коллективах, хозяйственно ответственных и самостоятельных, в то же время конструированных без всякой романтики и предвзятых догматов...» (3, 160).

А.С. Макаренко так же, как К.Д. Ушинский, считал, что труд всегда был основанием для человеческой жизни, для создания благополучия человеческой жизни и культуры.

«Самое воспитание, если оно желает счастья человеку, – писал К.Д. Ушинский, – должно воспитывать его *не для счастья*, а готовить к труду жизни» (4, 18). В унисон с ним, много лет спустя, А.С. Макаренко постулировал: «В воспитательной работе труд должен быть одним из самых основных элементов» (3, 51).

Труд должен быть общественно значимым, направленным на утверждение личного достоинства. Если он не является таковым, то, как утверждал К.Д. Ушинский, человек превращается в толстый мешок, наполненный жиром и имеющий свойство всасывать деньги: «... без труда природные богатства и обилие капиталов оказывают губительное влияние не только на нравственное и умственное развитие людей, но даже и на их состояние» (4, 8).

Без труда человек деградирует, становится существом, подобным зверю. «Кто наблюдал за жизнью простого народа, – делился К.Д. Ушинский своими впечатлениями, – тот знает, как неизбежно такой закон превращения и как быстро зверство одолевает крестьянина, избавленного от необходимости личного физического труда и не знакомого с трудами умственной жизни» (4, 19).

В том же ключе развивал мысль об общественно полезном труде А.С. Макаренко. «Первое, о чем в особенности должны помнить родители, – советовал он, – это следующее. Ваш ребенок будет членом трудового общества, следовательно, его значение в этом обществе, ценность его как гражданина будут зависеть исключительно от того, насколько он в состоянии будет принимать участие в общественном труде, насколько он к этому труду будет подготовлен» (3, 51–52).

Общественный труд не противостоит труду личному, а напротив – предполагает его. «Без личного труда человек не может идти вперед, – был убежден К.Д. Ушинский, – не может оставаться на одном месте, но должен идти назад», без личного труда «один дуреет от жира, другой дичает от нищеты; одного губит богатство, другого крайняя бедность превращает в машину; тот и другой приближаются к состоянию животному...» (4, 12, 20).

«Необходимо указать еще на одно обстоятельство, – писал А.С. Макаренко, – которому у нас придают, к сожалению, небольшое значение. Труд имеет не только значение общественно-производственное, но имеет большое значение и в личной жизни. Мы хорошо знаем, насколько веселее и счастливее живут люди, которые многое умеют делать, у которых все удается и спорится, которые не потеряются ни при каких обстоятельствах, которые умеют владеть вещами и командовать ими» (3, 53).

От личного участия человека в труде, подчеркивал А.С. Макаренко «будет зависеть и его благосостояние, материальный уровень его жизни» (3, 52). Но повышение благосостояния, умножение богатства не должно становиться самоцелью, не должно достигаться за счет эксплуатации чужого личного труда. А.С. Макаренко рекомендовал родителям особенно внимательно следить за тем, чтобы старшие братья не пользовались трудом младших иначе, чем в порядке взаимной помощи» (3, 60).

В условиях господства советской идеологии такие советы находили созвучными и необходимыми для построения бесклассового общества, чуждого эксплуатации человека человеком. Но мы беремся утверждать, что они скорее созвучны русской гуманистической педагогике, всемерно отстаивающей идею неугнетенной личности, свободной от своекорыстия и эгоистического потребительства. «Труд же вынужденный, на пользу другому разрушает человеческую личность того, кто трудится, или, вернее сказать, работает, – подчеркивал К.Д. Ушинский. – Не трудится и капиталист, придумывающий только, как бы прожить доход со своего капитала» (4, 11–12). В нынешних условиях это те, кто получил богатство, материальные ценности, созданные чужим трудом, и проматывающие их на модных Багамах, Канарах или Куршавеле. «Есть и также господа, – уточнял почти полтора столетия назад К.Д. Ушинский, – которые не имея решительно никакого дела в жизни, точат, играют в бильярд или просто бегают по улицам, чтобы доконать пышный завтрак и вернуть аппетит к обеду. Но такой труд имеет то же значение, какое имело рвотное за столом римского обжоры: возбуждая обманчивую охоту к новым наслаждениям, оно помогает расстраивать душевный и телесный организм» (4, 12).

Воспитание к труду должно преследовать два взаимосвязанные цели: быть воспитанным к свободному труду и к труду творческому. По понятным причинам А.С. Макаренко не мог говорить о несвободном труде в советской действительности, но формулировал свое высказывание о труде принудительном так, что открывал возможности довольно расширительного толкования: «трудиться можно из нужды, из жизненной необходимости. В человеческой истории в большинстве случаев труд всегда имел такой характер принудительного тяжелого действия, необходимого для того, чтобы не умереть с голода» (3, 52).

Анализ суждений К.Д. Ушинского показывает, что трудом он считал всегда свободную деятельность, а несвободный, принудительный, угнетающий человека называл бесцветным словом «работа».

Несвободный труд не может быть творческим: творчество связано с вдохновением, любовью, самоотдачей личности, что невозможно при внешней принудительности труда. Именно к воспитанию творческого труда призван весь педагогический процесс. «Творческий труд возможен только тогда, – был убежден А.С. Макаренко, – когда человек относится к работе с любовью, когда он сознательно видит в ней радость, понимает пользу и необходимость труда, когда труд делается для него основной формой проявления личности и таланта» (3, 52). Творческий труд невозможен у тех людей, кто к работе подходит

со страхом, – итожил педагог свои размышления и практический опыт, – кто боится ощущения усилия, кто стремится отделаться от неприятной работы, чтобы взяться за другую.

В этих умозаключениях А.С. Макаренко «прочитывается» связь его понимания с гуманистическими идеями русской педагогики предшествующей эпохи. «Труд не игра и не забава, – писал основатель этой педагогики К.Д. Ушинский – он всегда серьезен и тяжел; только полное сознание необходимости достичь той или другой цели в жизни может заставить человека взять на себя ту тяжесть, которая составляет необходимую принадлежность всякого истинного труда» (4, 12).

Свободный и творческий труд формирует нравственно зрелую личность, сознающую свои права и исполняющую обязанности перед обществом, ответственную за свои поступки, исполненную добрых чувств и намерений. Безнравственным считал А.С. Макаренко человека, уваливающего от работы, пользующегося плодами чужого труда, чуждого взаимопомощи и чувства товарищества. Его предтечей в этих суждениях воспринимается К.Д. Ушинский, который считал труд чистилищем нравственности человека, был убежден, что только внутренняя, животворная сила труда служит источником человеческого достоинства и нравственности. Труд он понимал как свободную и согласную к христианской нравственностью деятельность человека. К.Д. Ушинский находил, что несвободный труд не только не возвышает человека нравственно, но низводит его на степень животного.

Свободный и творческий труд способствует формированию духовно развитой, духовно богатой личности. Главную пользу труда А.С. Макаренко видел в духовном развитии человека, подчеркивал, что оно порождается гармоничным трудом. И эта убежденность наследовала воспитательные идеи русской гуманистической педагогики.

Обратимся в связи с этим еще раз к К.Д. Ушинскому. Он считал, что сами по себе материальные богатства, создаваемые зачастую чужим трудом, не умножают счастья человека, не приносят ему морального удовлетворения. Весьма современно звучит сегодня его предупреждение: «Дурную услугу оказал бы государству тот, кто нашел бы средство отпустить ему всю ту сумму денег, которая необходима его гражданам для покупки за границей всего, что нужно для самой роскошной жизни» (4, 10).

Только свободный, творческий личный труд создает истинное богатство – духовное богатство человека. Материальные плоды трудов, подчеркивал К.Д. Ушинский, можно отнять, наследовать, купить, но ничего этого нельзя сделать с внутренней, духовной, животворящей силой труда. Духовно импотентными становятся те, кто лишает себя этой силы, тот обрекает себя на вырождение. «Богатство растет безвредно для человека тогда только, когда вместе с богатством растут и духовные потребности человека, когда и материальная, и духовная сферы разом и дружно расширяются перед ним» (4, 20).

В выборе средств воспитания к труду А.С. Макаренко оставался верен гуманистическим традициям русской педагогики, считал, что все они должны формировать у человека привычку к труду – как сказал известный рус-

ский поэт, привычку к труду благородную. Важно, подчеркивал педагог, чтобы образовалась привычка к трудовому усилию, когда никакая работа не кажется неприятной, если в ней есть какой-нибудь смысл.

И здесь улавливается интеллектуальная переключка А.С. Макаренко с К.Д. Ушинским, который указывал, что, хотя потребность труда и врождена человеку, она способна затухать, если воспитанием не выработана привычка к труду, что эта привычка сродни уважению и любви к труду.

Привычка к труду, одинаково считали педагоги, удаленные друг от друга временем и социальными условиями, формируется гармоничным сочетанием умственного и физического труда, выполнением посильных, в соответствии с возрастом и физическими данными, нагрузок, выработкой осознания полезности и необходимости труда. Правда, А.С. Макаренко категорически возражал против мер поощрения за успешный труд и наказания за невыполненную работы. «Мы решительно не рекомендуем применять в области труда какие-либо поощрения или наказания. Трудовая задача и ее решение должны сами по себе доставлять ребенку такое удовлетворение, чтобы он испытывал радость... Тем более не нужно ребенка наказывать за плохую работу или за работу произведенную. Самое важное в этом случае – добиться того, чтобы работа была все-таки выполнена» (3, 60).

Современный анализ воспитательной теории А.С. Макаренко в контексте гуманистических идей русской классической педагогики позволяет полнее раскрыть ее интеллектуальное богатство и добротворчество, преодолеть в ее понимании односторонность и однолинейность, что было невозможно в эпоху господства советской идеологии.

Литература:

1. Егоров, С.Ф. Классическая русская педагогика XIX века: история и современность / С. Ф. Егоров. // Педагогика. – 2002. – С. 63–69.
2. Зеньковский, В. В. Русская педагогика в XX в. / Протоиерей В. В. Зеньковский. Педагогика. – Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2002. – С. 164–222.
3. Макаренко, А. С. Избранные педагогические сочинения. Т. 2. / А. С. Макаренко. Избранные педагогические сочинения. В 2 Т. – М., «Педагогика», 1977.
4. Ушинский, К. Д. Труд в его психическом и воспитательном значении / К. Д. Ушинский. – Педагогические сочинения: В 6 Т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1998. – С. 8–26.

ВКЛАД А.С. МАКАРЕНКО В ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

С.А. Ермолаева

Педагогическая деятельность по предупреждению отклоняющегося от нормы (девиантного) и преступного поведения несовершеннолетних стала рассматриваться как важный предмет исследования и выделяться в качестве